

В.Д. Шевченко

Самарский государственный университет

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ ОРАТОРСКОГО И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСОВ

V. Shevchenko

Samara State University

INTERFERENCE OF THE ORATORY AND MEDIA DISCOURSES

The article is devoted to the study of interrelationship between various types of discourses. Particular attention is paid to the problem of interference of discourses. The author tries to analyze peculiarities and role of a fragment from the 1944 oratory discourse within a framework of the modern media one.

В последнее время внимание языковедов, работающих в области когнитивной лингвистики и дискурсивных исследований, привлекает проблема взаимоотношений между различными типами дискурса. Одним из видов таких взаимоотношений является процесс интерференции дискурсов. Приведем рабочее определение этого процесса: **интерференция дискурсов** представляет собой наложение элементов одного дискурса (включенного) на другой (принимающий), в результате чего происходят их взаимовлияние и взаимодействие; при интерференции происходит вхождение в виде фрагмента в принимающий дискурс наряду с текстом нового социокультурного контекста, который включает в себя новых участников коммуникации, их характеристики, а также процессы и обстоятельства производства такого рода включений.

Фрагмент иного (включенного) дискурса сначала предстает в виде интертекстового включения, которое является некой отправной точкой; последующее раскрытие связей с его социокультур-

ным, историческим, событийным, ситуативным, личностным и т.п. контекстами, т.е. внетекстовой реальностью, фрагментом действительности, стоящим за этим текстом, ведет к осознанию его именно как фрагмента дискурса. Текст, таким образом, служит средством презентации дискурса, являясь одной из его составляющих.

Следует отметить, что благодаря комбинированию различных дискурсов и их взаимодействию структура принимающего дискурса меняется: происходит вплетение «новой» социально-исторической ткани [8. С. 558] одного дискурса в социально-историческую ткань другого – принимающего. В осознании *текста* именно как *фрагмента дискурса* особую роль играют знания коммуникантов, прежде всего, читателя-интерпретатора дискурса.

Как упоминалось выше, на начальном этапе процесса интерференции мы сталкиваемся с включением одного текста в другой. Во многих подобных случаях включенные тексты обладают достаточным объемом средств жанрового маркирования, в том числе и таких, которые эксплицитно называют жанр цитируемого текста (*This is the ... prayer*). Эти средства позволяют восстановить и коммуникативный контекст включенного речевого отрезка, т.е. представить коммуникативную ситуацию, в которой он разворачивался. Таким образом, при восприятии включенного и принимающего текстов мы сталкиваемся с процессом жанрового взаимодействия [6], в рамках которого происходит, например, линейное включение фрагмента ораторской речи в состав публицистического текста. В случае, когда цитируемый текст принадлежит также иной эпохе, возникающий в результате текстового взаимодействия, процесс интерференции дискурсов мы будем относить к жанрово-хронологическому типу.

Именно с таким типом интерференции мы сталкиваемся, когда фрагмент публичного выступления Франклина Д. Рузвельта (ораторский дискурс) появляется в рамках журнальной статьи общественно-политического содержания (публицистический дискурс), опубликованной в 2004 году. Статья в основном посвящена сравнению действий У. Черчилля и Ф. Д. Рузвельта во время Второй

мировой войны с политикой Д. Буша во время войны в Ираке. Рассмотрим этот фрагмент.

“Let Our Hearts Be Stout”
A Prayer by the President of the United States

This is the invasion prayer that President Roosevelt wrote while Allied troops were landing on the coast of France and which he read to the nation with his introductory words on the radio last night, as recorded and transcribed by THE NEW YORK TIMES:

My Fellow-Americans:

Last night when I spoke with you about the fall of Rome I knew at that moment that troops of the United States and our Allies were crossing the Channel in another and greater operation. It has come to pass to success thus far.

And so in this poignant hour, I ask you to join with me in prayer:

Almighty God: Our sons, pride of our nation, this day have set upon a mighty endeavor, a struggle to preserve our Republic, our religion and our civilization, and to set free a suffering humanity.

Lead them straight and true; give strength to their arms, stoutness to their hearts, steadfastness in their faith.

И далее:

With a new generation now facing fire on distant battlefields, the rest of us owe them our best efforts to grasp and apply the lessons of what has gone before. “With Thy blessing, we shall prevail over the unholy forces of our enemy,” FDR wrote in his D-Day prayer. “Lead us to the saving of our country, and with our sister Nations into a world unity that will spell a sure peace ... a peace that will let all men live in freedom, reaping the just rewards of their honest toil.” In a voice from the past, a prayer for our time.

(Newsweek, May 31, 2004)

Следует отметить, что включенный текст, в свою очередь, также подвергся такому типу жанрового взаимодействия, как *интерференция жанров*, которая «влечет за собой разную степень

подавления исходных жанровых характеристик принимающего текста» [6. С. 94]. Дело в том, что речь, прочитанная президентом Ф.Д. Рузвельтом во время высадки союзных войск на побережье Нормандии в июне 1944 г., построена в соответствии с жанровыми характеристиками молитвы, что, помимо эксплицитного наименования, маркируется такими её формальными показателями, как обращение (*Almighty God*), архаичные формы (*With Thy blessing*) и повелительное наклонение, в котором даны некоторые высказывания, в плане содержания представляющие собой апелляцию к высшим силам, взывание о помощи (*Lead them straight and true; give strength to their arms ... Lead us to the saving of our country ...*).

На наш взгляд, для создания текста ораторского выступления был не случайно выбран именно жанр молитвы, поскольку таким образом выступление становится более экспрессивным и сила воздействия его на слушателей увеличивается, так как говорящим была учтена важная характеристика слушателей, а именно – глубокая религиозность американского общества. Тем не менее, одним из главных средств жанровой идентификации включенного текста является обращение (*My Fellow-Americans:*).

Как пишет М.М. Бахтин, «разные речевые жанры предполагают разные целевые установки, речевые замыслы говорящих или пишущих. <...> Этот замысел – субъективный момент высказывания – сочетается в неразрывное единство с объективной предметно-смысловой стороной его, ограничивая эту последнюю, связывая ее с конкретной (единичной) ситуацией речевого общения, со всеми индивидуальными обстоятельствами его, с персональными участниками его, с предшествующими их выступлениями – высказываниями» [2. С. 260-270].

Следовательно, при включении фрагмента ораторской речи в современный публицистический текст мы наблюдаем столкновение функций и коммуникативных целеустановок этих взаимодействующих разножанровых текстов, ибо принимающий публицистический текст, характеризующийся злободневным общественно-политическим содержанием, предназначен для воздействия на сознание максимально широкого круга читателей [3. С. 837]. Его коммуникатив-

ную целеустановку можно охарактеризовать как информирование и формирование определенного отношения к фактам, приведенным в статье. Включенный текст, как уже упоминалось, представляет собой фрагмент речи, обращенной к многочисленной аудитории и потому требующей «особых качеств изглашения» [1. С. 387]. Коммуникативная целеустановка данного текста состоит в основном в побуждении к соответствующему действию.

Следует также обратить внимание на следующий факт: поскольку исходные жанровые характеристики ораторского текста оказываются подавленными, можно предположить, что при создании данного текста была заимствована и коммуникативная целеустановка (апелляция к высшим силам), присущая текстам религиозного жанра-донора, которая, тем не менее, подчинена установке текста ораторского выступления. Как пишет О.И. Москальская, «можно говорить о наличии в тексте одной доминирующей коммуникативной целеустановки, которая может реализовываться в сочетании более частных коммуникативных целеустановок в соответствии с коммуникативной задачей текста» [7. С. 56].

Поскольку выше нами было упомянуто о столкновении функций взаимодействующих текстов, целесообразным, на наш взгляд, будет обращение к самому понятию функции текста, введенному Ю.М. Лотманом и А.М. Пятигорским. Функция текста определяется ими как «его социальная роль, способность обслуживать определенные потребности создающего текст коллектива» [5. С. 434]. В данном примере ораторский текст используется в функции религиозного, однако это фиктивная смена функции, поскольку она приписывается тексту самим автором, называющим свое обращение молитвой. Несмотря на присутствие формальных маркеров (молитвы), это все же ораторский текст, выполняющий свою основную функцию: побуждение к соответствующему действию. Кроме того, основным адресатом данного текста становятся радиослушатели, в отличие от молитвы, обращенной к Богу.

Включение автором фрагмента ораторского выступления в текст современной публицистической статьи соответствует одному из прагматических постулатов (максим) П. Грайса, относящихся к

категории отношения, а именно «Не отклоняйся от темы» [10]. Несмотря на то, что фрагмент включенного текста принадлежит иному историческому контексту, в нем описываются некоторые стороны похожей военной операции, таким образом, основная тема боевых действий предстает в другом измерении – с точки зрения одного из высших руководителей военной операции, который характеризует и оценивает ее со своих идеологических позиций.

Далее обратимся к вопросу о тех предметно-референтных ситуациях, которые отражены в тексте статьи. Как отмечалось выше, речь в ней идет о текущей военной операции США в Ираке (принимающий текст), которая сравнивается с похожим событием – открытием второго фронта во время Второй мировой войны, а именно высадкой союзных войск в Нормандии в июне 1944 г. (включенный текст). Очевидно, что во включенном и принимающем текстах данные схожие ситуации (имеется в виду пребывание американских войск на чужой территории) предстают в различных временных, обстоятельственных и идеологических контекстах.

Уже при знакомстве с заголовком статьи (*The Lessons of D-Day*) в сознании читателя на основе имеющихся общих знаний, а также знаний о событиях Второй мировой войны выстраивается образ категориальной ментальной модели предметно-референтной ситуации, связанной с высадкой союзных войск на Атлантическом побережье Европы. Основным языковым знаком данной предметно-референтной ситуации, служащим также стимулом обращения к соответствующей области знаний, является аббревиатура (полусокращение) *D-Day*, которая обладает зарегистрированным в лексикографических источниках значением: “*6th June, 1944, the day on which the British, US, and other armies arrived on the beaches of northern France in the Second World War*” [11. P. 354]. Во включенном фрагменте речи, посвященном этой ситуации, о ней сообщаются дополнительные сведения. Таким образом, по мере знакомства с последующим содержанием текста (и включенного, и принимающего) уточняется и модифицируется категориальная ментальная модель, применимая к описываемым в тексте предметно-референтным ситуациям.

В ходе дальнейшего ознакомления со статьей восприятие схожей ситуации, отраженной в принимающем тексте, происходит в соответствии с категориями этой ментальной модели. Рассмотрим ментальную модель вышеуказанных предметно-референтных ситуаций (см. таблицу).

Таблица

№ п/п	Категории	Конкретизация категорий
1	<i>Пространственная локализация:</i>	territory outside the U.S.
2	<i>Первичные обстоятельства:</i>	presence of an enemy posing a danger (to the rest of the world)
3	<i>Субъект действия:</i>	troops of the U.S. and their allies
4	<i>Действие(я):</i>	occupying the territory outside the U.S.; undertaking military operations
5	<i>Цель действия:</i>	releasing from suffering

По мере рассмотрения предметно-референтных ситуаций в различных временных и обстоятельственных контекстах составляющие ментальной модели заполняются пакетами конкретной информации из взаимодействующих текстов, по отношению к которым данные составляющие обладают категориальным характером. Рассмотрим реализацию выделенной ментальной модели в тексте статьи:

1. *Пространственная локализация:* “Iraq” (принимающий текст); “the coast of France” (включенный текст). Гидроним “the Channel” из включенного текста также является знаком того, что операция происходит за пределами США, поскольку имеется в виду пролив Ла-Манш.
2. *Первичные обстоятельства:* “In their worship of power, their deep hatreds, their blindness to innocence, the terrorists are successors to the murderous ideologies of the 20th century” (принимающий текст); “the unholy forces of our enemy” (включенный текст). В отличие от принимающего текста (*terrorists*), во включенном тексте враг (гитлеровская Германия и ее союзники) не конкретизирован. В тексте публичного выступления для передачи отрицательной ха-

раактеристики внешнего врага говорящий вновь обращается к религиозной сфере, используя прилагательное *unholy*. Сему опасности можно выделить на основе семантической интерпретации значений лексических единиц *murderous* и *unholy*, что позволило нам именно таким образом конкретизировать данную категориальную составляющую.

3. *Субъект действия*: “*troops*” (принимающий текст); “*troops of the United States and our Allies*” (включенный текст). В принимающем тексте под единицей *troops* подразумеваются также и войска союзников; этим смыслом единица наделяется на основании знаний о современной военной операции.
4. *Действие(я)*: “*Iraq war*”, “*the pre-emptive strike against Saddam’s regime*”, “*the battle for Iraq*” (принимающий текст); “*Allied troops were landing on the coast of France*”, “*were crossing the Channel in another and greater operation*” (включенный текст).
5. *Цель действия*: “*You are defending your country, and protecting the innocent from harm,*” he told the troops assembled aboard the Abraham Lincoln. “*And where you go, you carry a message of hope – a message that is ancient and ever new. In the words of the prophet Isaiah, To the captives, come out, and to those in darkness, be free.*” (принимающий текст); “*to set free a suffering humanity*” (включенный текст). В цитате, которую приводит Джордж Буш, категория пятой составляющей ментальной модели представлена метафорически. Цель, стоящую перед американскими войсками, он формулирует, цитируя приобретающее новый смысл высказывание пророка Исаии, поскольку под тьмой и пленом подразумевается страдание, в котором пребывает народ другой страны. Таким образом, слова пророка применяются говорящим к современной ситуации (с их помощью создается ее образное представление) и приписываются американским солдатам, которые как будто адресуют

их освобождаемому ими народу. Применение древнего высказывания к современной ситуации, приобретение им нового смысла подтверждает слова Ю.М. Лотмана о том, что «направленные непрерывные семиотические «вторжения» той или иной структуры на «чужую территорию» образуют порождения смысла, возникновение новой информации» [4. С. 92]. Во включенном тексте категория цели действия реализуется также при помощи грамматических средств – придаточного предложения цели, вводимого инфинитивом.

Что же касается исторических и социокультурных контекстов взаимодействующих текстов, то, согласно схеме П. Вердонка [12. С. 19], в сознании читателя будут актуализированы пакеты знаний о причинах, ходе и последствиях этих двух военных операций для страны и остального мира. Также релевантными при реконструкции социокультурных контекстов взаимодействующих текстов будут являться знания об отношении мировой общественности к высадке союзных войск в 1944 году и операции США и их союзников в начале XXI века. Например, операция во время Второй мировой войны была поддержана многими государствами, поскольку европейским странам оказывалась помощь в освобождении их территории.

Военная операция США в Ираке в 2003 году представляла собой вторжение в другую страну и действие в соответствии с собственными интересами вразрез с мнением и отношением к этой операции большей части мировой общественности. Информация такого рода имеет, на наш взгляд, отношение к обстоятельствам коммуникации, которые «сами по себе оказываются чем-то вроде референта сообщения, *однако сообщение не указывает на них, но в них разворачивается, осуществляясь в конкретной ситуации*, которая и наделяет сообщение смыслом» [9. С. 89]. Именно рассмотрение некоторых из обстоятельств коммуникации позволило нам прийти к выводу, что, например, в контексте высказывания, приведенного выше, лексическая единица *darkness* приобретает смысл «страдание».

Для реконструкции исторического и событийного контекстов фрагмента ораторской речи потребуются также пакеты знаний исторического характера о Второй мировой войне, о ее противоборствующих сторонах во время этой войны и последствиях. Актуальной будет также являться информация об авторе включенного текста – президенте Франклине Д. Рузвельте, который, будучи одним из мировых лидеров того времени, сыграл важную роль во время Второй мировой войны. Вся эта информация, на наш взгляд, имеет особое значение для адекватной интерпретации взаимодействующих текстов как фрагментов разных дискурсов – современного публицистического и ораторского, хронологически относящегося к трагическим событиям времен Второй мировой войны.

К социокультурному контексту также имеет отношение идеология, выработанная обществом на определенном этапе и часто находящая свое отражение в создаваемых им текстах (политических, публицистических, художественных и т.п.). О том, что дискурс эксплицитно связывается с идеологией, пишет, в частности, М. Пешё: «Идеологические формации <...> содержат по необходимости в качестве своих составных частей одну или несколько взаимосвязанных дискурсных формаций, которые определяют то, что может и должно быть сказано (в форме наставления, проповеди, памфлета, доклада, программы и т.д.) в соответствии с определенной позицией и при определенных обстоятельствах» [Цит. по: 8. С. 560].

Мы полагаем, что идеологической основой фрагмента ораторского дискурса являлась борьба с фашизмом; идеологической составляющей современного публицистического дискурса, вернее, того его фрагмента, который взаимодействует с ораторским, является актуальная для американской и других наций борьба с терроризмом. С помощью включенного фрагмента ораторского дискурса реконструируется идеологическая формация того времени и происходит сравнение ее с современной.

Следует также отметить, что основой процесса интерференции, который мы наблюдаем в данном случае, послужило сходство отраженных во взаимодействующих текстах предметно-референтных ситуаций, т.е. интерференция здесь основана на ситуативном

сходстве. Однако жанрово-хронологические характеристики взаимодействующих в процессе интерференции текстов весьма отличаются друг от друга, поэтому данный тип интерференции получил название жанрово-хронологического.

Интерпретируя фрагменты дискурсов, взаимодействующих в процессе интерференции, читатель сначала дает оценку высадке американских войск в Нормандии во время открытия второго фронта в 1944 году и сравнивает с ней похожее событие – высадку войск США в Ираке в наше время. Он вырабатывает определенную точку зрения на современные и прошлые события, анализируя причины высадки войск на иностранной территории тогда и сейчас, а также оценивая дальнейшее развитие этих двух операций.

По нашему мнению, соположение фрагментов ораторского и публицистического дискурсов, возникшее в процессе интерференции, связано с авторской интенцией [6], на которую воздействуют обстоятельства современной действительности. Они подсказывают автору аналогию, относящуюся к другой эпохе. В результате этого анализа достигается цель автора – формирование определенного отношения к представленной информации. Принимающий (публицистический) дискурс служит, таким образом, полем пересечения других дискурсов.

Комбинированное использование фрагментов различных дискурсов происходит в целях представления какого-либо события в разных «измерениях»: исторических, обстоятельственных, идеологических и т.д. Возникающее в этом случае явление интерференции дискурсов позволяет использовать наиболее значимую и важную информацию из них для оценки и анализа события, личности и т.п., которые привлекли к себе внимание в настоящий момент.

На интенцию автора воздействуют и другие внешние силы – идеологические установки, события политического, экономического характера и т.д.; они подталкивают автора к выбору определенной темы, которая может потребовать включения фрагмента иного дискурса. Если в рамках рассуждений на какую-либо тему автор привлекает включения из других дискурсов, это означает, что тема актуальна и для них. Включение, взаимодействуя с новым для

него принимающим социокультурным и историческим контекстом, может приобретать новый или ранее скрытый смысл, отличный от того, который закладывал в него автор. Подтверждение этой мысли можно найти у М.М. Бахтина [2], который считает, что историзм состоит в том, чтобы учесть историческую дистанцию и активно развивать заложенное в тексте содержание и смыслы в соответствии с новым опытом (см. выше анализ высказывания пророка Исаии).

Проанализированный пример демонстрирует, что к интерференции дискурсов приводит современная социально-политическая обстановка, ситуация в мире, которая может потребовать провести параллели, найти что-то общее в другом дискурсе, возможно, относящемся к другому, порой весьма отдаленному временному периоду. В результате интерференции происходит формирование определенного отношения, мнения, точки зрения у интерпретатора дискурса – человека, в сознании которого актуализируются пакеты релевантных знаний, относящихся к взаимодействующим дискурсам.

Библиографический список

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – 2-е изд., стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004.
2. Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и составитель А.Н. Николюкин. – М.: НПК «Интелвак», 2003.
4. Лотман, Ю.М. О семиосфере / Ю.М. Лотман // Избранные статьи: В 3 т. – Т. 1. – Таллинн, 1992.
5. Лотман, Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПБ, 2004.
6. Масленникова, А.А. Диалектика взаимодействия текстового жанра и авторской интенции / А.А. Масленникова, Т.П. Третьякова // Диалектика текста: в 2 т. – Т. 2 / А.В. Зеленщиков, О.В. Емельянова, Л.П. Чахойян [и др.]; отв. ред. проф. А.И. Варшавская. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003.

7. Москальская, О.И. Грамматика текста (пособие по грамматике немецкого языка для ин-тов и фак. иностр. яз.): Учеб. пособие / О.И. Москальская. – М.: Высш. школа, 1981.
8. Серио, П. Анализ дискурса во французской школе [дискурс и интердискурс] / П. Серио // Семиотика: Антология / сост. Ю.С. Степанов. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001.
9. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко; пер. с итал. В.Г. Резник и А.Г. Погоняйло. – СПб.: Симпозиум, 2004.
10. Grice, H.P. Logic and Conversation / H.P. Grice // Cole P., Morgan J. Syntax and Semantics, 3: Speech Acts. New York: Academic Press, 1975. – P. 41-58.
11. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition. – Oxford, 2002.
12. Verdonk P. Stylistics / P. Verdonk. Oxford: Oxford University Press, 2002.